

Религии древнего мира в их отношении к христианству

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
Р36

Р36 Религии древнего мира в их отношении к христианству / — М.: Книга по Требованию, 2024. — 644 с.

ISBN 978-5-521-29363-6

ISBN 978-5-521-29363-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Религіозныя вѣрованія древности представляютъ собою въ высшей степени замѣчательное явленіе во всемірной исторіи, полное глубокаго психологическаго и вообще научнаго интереса. Вопросъ о происхожденіи языческаго политеизма съ его мнѳологіей составляетъ, безспорно, одну изъ важнѣйшихъ проблеммъ не въ богословіи только, но и въ философіи религіи и исторіи вообще. Сохранившіеся до насъ литературныя памятники этихъ вѣрованій древняго міра не напрасно служатъ нынѣ предметомъ усиленныхъ, напряженныхъ, научныхъ изысканій, которыя все болѣе и болѣе расширяются и осложняются вмѣстѣ съ успѣхами сравнительнаго языкознанія и древней этнографіи.

Религіи древности — это зерно всего міровоззрѣнія древняго міра; здѣсь исходъ, основа и центръ его умственнаго, нравственнаго и общественнаго развитія. Безъ нихъ мы никогда не поняли бы этого исчезнушаго теперь міра, который предшествовалъ намъ въ исторіи и, слѣдовательно, исторически съ нами связанъ. Миѳы и легенды, въ которыхъ заключены древнія вѣрованія, образы, въ которые древній человѣкъ облекалъ свои религіозныя представленія — все это продуктъ его духовно-нравственной жизни, вѣковая работа его мысли и чувства, часто полная оду-

шевленія, искренности, энергіи, силы, таланта. Нѣкоторые изъ этихъ памятниковъ религіозныхъ вѣрованій древности, сверхъ общечеловѣческаго, имѣютъ для насъ еще особенный племенный интересъ. Священные книги арійцевъ, этихъ старѣйшихъ, по времени появленія въ исторіи, народовъ индо-германскаго племени, написанныя на языкѣ, который представляетъ собою древнѣйшую отрасль нашихъ европейскихъ языковъ, переносятъ нашу мысль въ наше первоначальное отечество, теперь далекое отъ насъ, туда—въ глубину Азіи, въ страны около Гималайскаго хребта, и отчасти напоминаютъ древнѣйшія первичныя воззрѣнія и вѣрованія, принадлежащія всему европейскому племени, слѣды которыхъ, быть можетъ, донынѣ еще не совершенно исчезли среди насъ.

Правда, съ нашей христіанской точки зрѣнія, всѣ эти вѣрованія древности — ложь и заблужденіе, все это—лишь смертныя *тѣни* (Лук. 1, 79), въ которыхъ блуждала человѣческая мысль, человѣческое чувство, напрасно ища исхода. Но этотъ мракъ и эти тѣни своею противоположностію ярче, яснѣе отображаютъ для насъ свѣтъ истины, которая смѣнила ихъ и которою обладаемъ мы. Предъ нами здѣсь открывается ветхій человѣкъ въ своемъ внутреннемъ нравственномъ бытіи, въ своихъ сокровенныхъ чувствахъ и душевныхъ движеніяхъ; онъ является намъ здѣсь съ его задушевыми мечтами, съ его оболъщеніями, съ его сердечною скорбію и душевнымъ томленіемъ, наконецъ—съ его отчаяніемъ. Этого мало. Среди самаго мрака этихъ изжитыхъ человѣчествомъ заблужденій, по временамъ, свѣтили лучи того свѣта истины, который никогда всецѣло не оставлялъ человѣка (Іоан. 1, 5); среди самыхъ суевѣрій, мы находимъ здѣсь слѣды истины: въ этихъ призрачныхъ мечтаніяхъ язы-

ческой древности, въ этихъ чарахъ, созданныхъ воображеніемъ древняго человѣка, въ этихъ мифахъ и легендахъ древняго міра, въ этихъ причудливыхъ образахъ фантазіи, по временамъ, высказывалось исканіе истины, тяготѣніе невольное, полусознательное къ тому, что открыто намъ; въ нихъ мы находимъ гаданіе объ истинѣ, ея предчувствіе... Словомъ, въ отжившихъ вѣрованіяхъ язычества, мы находимъ историческое свидѣтельство объ истинѣ христіанства. Вполнѣ справедлива въ этомъ отношеніи мысль извѣстнаго лингвиста Макса Мюллера, высказанная имъ въ заключеніе его публичной лекціи объ индѣйскихъ Ведахъ, читанной въ Лондонѣ въ 1865 году: «изученіе древнихъ религій научаетъ насъ лучше цѣнить то, что дано намъ нашею религіею. Только тотъ, кто терпѣливо и безпристрастно обсудилъ всѣ другія исторически извѣстныя религіи, можетъ знать, что такое христіанская истина, и съ полнымъ убѣжденіемъ и увѣренностію сказать вмѣстѣ съ апостоломъ Павломъ: «Я не стыжусь благовѣствованія Христова» (Рим. 1, 16). Essays v. Max. Müller. Erst. B. Vorlesung über die Vedas.

Нескоро, однакоже, это было сознано надлежащимъ образомъ, и не изъ богословія, которому, повидимому, спеціально принадлежалъ вопросъ о язычествѣ, вышли движенія, направленные къ изученію религій древняго міра. Богословіе средневѣковое, схоластическое, всецѣло погруженное въ діалектику и отвлеченности, вообще пренебрегало историческимъ элементомъ въ своихъ изслѣдованіяхъ. Оно знало язычество больше подъ формою отвлеченнаго *понятія о заблужденіи*, которымъ рѣшалось все. Для него язычество было «*religio falsa*», о которой, кромѣ этого и по этому самому, больше знать ничего не нужно и не слѣдуетъ. Психоло-

гическая сторона вопроса, т. е. внутреннія причины возникновенія и происхожденія языческой мифологiи, также была совершенно опущена изъ вниманія. Самый взглядъ на отношеніе религій древняго міра къ христіанству не имѣлъ ни прочности, ни опредѣленности. Впрочемъ, подробныя историческія изслѣдованія о религіяхъ древности до послѣднихъ временъ были и невозможны. Религіозные памятники древности, особенно востока, который съ богословской точки зрѣнія гораздо болѣе важенъ, чѣмъ западъ, т. е. міръ греко-римскій, долго оставались и неизвѣстными, и недоступными для изученія. Только съ конца XVIII столѣтія и начала XIX, со времени поселенія англичанъ въ Индіи и похода Наполеона I на Египетъ, Европа начинаетъ знакомиться съ литературными памятниками древнихъ религіозныхъ вѣрованій, о которыхъ дотолѣ почти не знала. Только съ этого времени открытіе санскрита, составляющее эпоху въ изученіи религій востока, и работы надъ гіероглифами Египта, даютъ сильный толчекъ и движеніе прежде несложной наукѣ о вѣрованіяхъ древняго міра. Съ этого времени труды въ изученіи религіозныхъ памятниковъ древности начинаютъ обогащать новыми результатами исторію и филологію, и въ свою очередь обогащаются новыми данными вслѣдствіе развившихся, при ихъ же посредствѣ, филологическихъ изысканій. Дѣлаются новыя заключенія о племенномъ сродствѣ народовъ и объ ихъ взаимныхъ историческихъ отношеніяхъ.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ религіозныя книги древности сдѣлались предметомъ научныхъ изысканій въ области филологіи и исторіи, прежній взглядъ на язычество начинаетъ измѣняться. Наука открываетъ въ немъ то, чего, повидимому, не ожидала и что дотолѣ

не предполагалось. Она находитъ въ немъ не только роскошные образы поэзіи, но и мнимую возвышенность воззрѣній, вызывающую на сопоставленіе древнихъ религіозныхъ вѣрованій съ христіанскими взглядами. Высказываются предположенія о сродствѣ библейскаго ученія съ древними философскими и религіозными воззрѣніями. Съ другой стороны, въ этомъ изученіи древнихъ вѣрованій и ихъ взаимномъ сопоставленіи наука видитъ средство къ опредѣленію самыхъ законовъ развитія религіознаго сознанія. Дѣлаются попытки, при помощи сравнительной миѳологіи, на заключеніе о первоначальномъ типѣ вѣрованій, общихъ всему человѣчеству, о генетическомъ развитіи сложныхъ религіозныхъ понятій изъ простѣйшихъ первичныхъ представленій. Къ этому присоединяются взгляды возникшихъ вслѣдъ за тѣмъ философскихъ теорій о религіи и о законахъ развитія религіознаго сознанія. Новѣйшіе философскіе взгляды на религію исходятъ изъ апріорныхъ началъ, но спѣшатъ для своего фактическаго оправданія воспользоваться новыми данными, добытыми при посредствѣ историческаго изученія религіи. Тѣ и другіе далеко расходятся съ библейскимъ воззрѣніемъ на первоначальную эпоху въ исторіи человѣчества и на первобытныя времена въ исторіи религіи.

Такимъ образомъ, въ виду этихъ новыхъ теорій и воззрѣній, богословская наука послѣдняго времени не могла съ своей стороны не обратить вниманія на изученіе древнихъ литературныхъ памятниковъ религіи и не подвергнуть ихъ изслѣдованію съ своей точки зрѣнія. Къ положительнымъ богословскимъ интересамъ въ изученіи религій древняго міра присоединился еще отрицательный, полемическій. Въ виду новыхъ взглядовъ и теорій относительно язычества, на основаніи тѣхъ же историческихъ данныхъ, ей нужно было

оправдать свои собственные взгляды и воззрѣнія. Вслѣдствіе этого, съ начала нынѣшняго столѣтія, вопросъ о древнихъ религіяхъ сталъ предметомъ тщательнаго и подробнаго изученія въ самой богословской наукѣ запада и вошелъ, какъ необходимый элементъ, въ богословскую апологетику. Изъ множества сочиненій этого рода въ богословской литературѣ запада, особенно Германіи, можно указать по преимуществу на весьма солидное по, къ сожалѣнію, неоконченное сочиненіе Буттке «Geschichte des Heidenthum's».

Изслѣдованія чисто научныя относительно міеологіи и древнихъ религій, вообще представляющія собою громадную литературу самыхъ разнообразныхъ воззрѣній,—литературу, постоянно возрастающую, не только не закончены, но и не привели еще къ выводамъ болѣе или менѣе прочнымъ и твердымъ. Тѣмъ не менѣе, что замѣчательно, выводы ученыхъ изслѣдователей Англіи, Германіи, Франціи относительно исторіи религій постепенно сближаются съ богословскими воззрѣніями и библейскими преданіями. Увлеченіе мнимою возвышенностію древнихъ религій востока, естественное, впрочемъ, при неожиданной находкѣ и разгадкѣ литературныхъ памятниковъ древнихъ вѣрованій и при первоначальномъ поверхностномъ знакомствѣ съ ихъ содержаніемъ,—прошло. Въ этомъ отношеніи можно указать на труды нѣсколькихъ лингвистовъ и по преимуществу на извѣстнаго санскритиста Макса Мюллера (Essays. v. M. Müller). Таково же, по крайней мѣрѣ, по своей общей мысли, и недавно явившееся сочиненіе Бунзена: «Единство религій» (Die Einheit der Religionen v. Ernst Bunsen. 1870).

Наша русская богословская и философская литература до самаго послѣдняго времени ничего почти не имѣла по вопросу о древнихъ религіяхъ. Перечень со-

чиненій, имѣющихъ болѣе или менѣе прямое отношеніе къ нашему вопросу, очень кратокъ. Въ него входятъ: сочиненіе Новицкаго «о развитіи древнихъ философскихъ ученій въ связи съ развитіемъ языческихъ вѣрованій», книга нашего лингвиста проф. Васильева о буддизмѣ, имѣющая общепризнанное научное достоинство, особенно въ отношеніи къ вопросу объ исторіи буддизма, и сочиненіе о томъ же преосвящ. Нила, а также труды членовъ нашей Пекинской духовной миссіи, которые представляютъ собою матеріалы для изученія религій востока, на столько впрочемъ цѣнные, что ими пользуются для своихъ изслѣдованій ученые Германіи и Англіи. Первый опытъ чисто научныхъ изслѣдованій о вѣрованіяхъ и воззрѣніяхъ древности въ нашей богословской и философской литературѣ представляетъ собою недавнее сочиненіе профессора Чистовича по спеціальному, но въ высшей степени интересному и сложному, вопросу объ ученіи касательно безсмертія и будущей жизни въ древнегреческомъ мірѣ. Интересъ и значеніе этого сочиненія—по преимуществу въ рѣшеніи труднаго и спорнаго вопроса о мистеріяхъ въ древнемъ мірѣ¹.

Предположивъ представить очеркъ древнихъ религій, болѣе извѣстныхъ исторически, мы слишкомъ далеки отъ цѣлей спеціального изслѣдованія о нихъ. Это былъ бы трудъ громаднѣйшій и сложнѣйшій, соеди-

¹ Мы не упоминаемъ о недавно вышедшемъ сочиненіи неизвѣстнаго автора, подъ заглавіемъ: «Исторія религій и тайныхъ религіозныхъ обществъ древняго и новаго міра», въ которомъ до настоящаго времени изложена исторія религій Индіи и Китая,—какъ потому, что эта исторія религій не имѣетъ научнаго, особенно богословскаго характера, такъ и потому, что она излагаетъ больше бытовую и внѣшнюю сторону религіозныхъ вѣрованій, мало касаясь догматической и философской стороны вопроса, и не представляетъ собою цѣльнаго, осмысленнаго взгляда на древнія религіи.

ненный со множествомъ столько же сложныхъ и спорныхъ вопросовъ изъ сравнительной филологіи и исторіи. Такого труда, сколько знаемъ, до нынѣ не представляетъ и богословская литература запада. Мы не беремъ на себя и разбора первоисточниковъ древнихъ религій, работа надъ которыми принадлежитъ филологіи и исторіи. Нашъ трудъ чисто богословскаго характера и основанъ на тѣхъ данныхъ, какія до послѣдняго времени представляютъ труды ученыхъ изъ другой области. А наша цѣль ограничивается желаніемъ, восполнить по возможности пробѣлы въ нашей богословской литературѣ по вопросу о религіяхъ древняго міра. Отсутствіе такого рода богословскихъ изслѣдованій особенно ощутительно нынѣ, въ интересахъ вновь возникающей у насъ богословской науки—апологетики.

ОБЩІЙ ХАРАКТЕРЪ ЯЗЫЧЕСТВА И ЕГО ВИДЫ.

Всѣ племена и народы, чуждые іудейству и его религіи, въ библіи называются общимъ именемъ народовъ—языки, а ихъ религіи—религіями языковъ,—названіе, ближайшимъ образомъ указывающее на особенное положеніе и значеніе еврейскаго народа въ исторіи религіи среди всѣхъ другихъ народовъ древняго міра, т. е. на то, что онъ одинъ — народъ избранный и что только онъ обладалъ истинною. Но оно характеристично для насъ, какъ справедливо и глубокомысленно замѣтилъ одинъ изъ новѣйшихъ нѣмецкихъ богослововъ,¹ и по отношенію къ самой религіозной жизни этихъ, чуждыхъ іудейству, народовъ древняго міра.

Основная, характеристическая черта всего духовнаго развитія древняго міра и всей его исторіи есть народная обособленность и исключительность — въ противоположность всеобщему, всенародному, общечеловѣческому. Христіанскій міръ, напротивъ, въ своей жизни и исторіи представляетъ собою стремленіе ко всеобщему нравственному объединенію. Въ христіанствѣ народное, не уничтожаясь и не утрачивая своего характера, въ тоже время возводится къ общечеловѣческому. Древній міръ, наоборотъ, жилъ разрознен-

¹ Лянге (Lange) въ *Philosophische Dogmatik*.

ною пародною жизнью и не зналъ подобныхъ стремлений, какъ не признавалъ и самаго единства въ происхожденіи людей и народовъ; онъ не дѣлалъ даже
✓ никакихъ попытокъ на то, что нынѣ зовутъ космополитизмомъ. Открытіе царства благодати, явленіе Духа Утѣшителя, обновившаго собою жизнь человѣчества, призвало всѣхъ къ единству, послѣ того раздѣленія, въ какомъ находился древній языческій міръ, какъ глубоко-знаменательно выражается это въ одной изъ нашихъ церковныхъ пѣсней: «Егда, снишедъ, языки слія, раздѣляше языки Вышній. Егда же огненные языки раздаяше, въ соединеніе вся призва».

Что было во всей жизни древняго міра, то было по преимуществу и въ его религіи, какъ основной и первоначальной формѣ его духовной жизни. Язычество, въ своемъ цѣломъ, есть система болѣе или менѣе разобщенныхъ народныхъ религій. Каждая религія, особенно въ начальный періодъ своей исторіи, есть представительница по преимуществу народныхъ интересовъ въ ихъ исключительности, по крайней мѣрѣ она тѣсно связана съ ними. Боги язычества живутъ отдѣльно одинъ отъ другаго; они ведутъ войны и брани, точно также, какъ сами народы воюютъ одинъ съ другимъ, отстаивая свои частныя выгоды безъ всякой мысли о такъ называемыхъ общечеловѣческихъ интересахъ. Почти каждая религія существуетъ только для извѣстнаго племени и народа; каждый богъ есть богъ національный и въѣ страны, гдѣ поклоняются ему, онъ теряетъ свое божественное достоинство, перестаетъ быть богомъ,—онъ обязанъ защищать только Римъ, или Грецію, и вести для этого войну съ богами Египта или Финикіи. Каждый народъ, въ соотвѣтствіе съ этимъ, есть автохтонъ своей страны, перворожденный и древнѣйшій